ДИЛАН ХАРБИ

ЗЕМЛЕ НЕ ПРИКАЗАТЬ

Дилан Харби

Земле не приказать

«Автор»
2026

Харби Д.

Земле не приказать / Д. Харби — «Автор», 2026

Земле осталось 27 лет. Высший Конклав Звёздных Разумов обещает спасти планету — если человечество докажет, что не превращает чужую беспомощность в ресурс.Разжалованный капитан Габриэль Рейес и команда людей, чьи ошибки уже нельзя скрыть, отправляются остановить Мёртвый Код. На трёх заражённых мирах система предлагает то, чего разумные существа всегда хотели: безопасность без риска, мир без несогласия, единство без одиночества. Цена одна — право сказать «нет».Но пока экспедиция ищет источник Кода, он принимает решение за всю Землю. Планета уже идёт к спасению, которого никто не просил. Теперь судьбу человечества должен решить не герой — а те, кого герои привыкли спасать.

© Харби Д., 2026
© Автор, 2026

Содержание

ПРИГОВОР 5
Глава 1. Двадцать семь лет 6
Глава 2. Падальщики 15
Глава 3. Исправление ошибки 22
Глава 4. Ковчег 30
Глава 5. Две минуты сорок одна секунда 37
Конец ознакомительного фрагмента. 45

Дилан Харби
Земле не приказать

ПРИГОВОР

◆

Глава 1. Двадцать семь лет

Первый обломок вошёл в атмосферу над Атлантикой в 06:14 по всемирному времени.

Центр орбитальной безопасности заметил его ещё за Луной: сто восемьдесят тонн железа и никеля, скорость выше расчётной, курс — мимо Земли. Таких объектов в каталоге было несколько тысяч. Машина присвоила ему зелёный индекс, построила безопасную дугу и убрала с главного экрана.

Через семь минут обломок изменил курс.

Система пересчитала траекторию, сочла расхождение погрешностью и снова окрасила точку в зелёный.

Когда объект разделился на семь частей, лейтенант Ада Меньдес уже смотрела прямо на него.

Она только успела передать дежурство. На краю консоли остывал завтрак — кукурузная лепёшка в прозрачной упаковке, — а в наушнике брат рассказывал, что грузовые фиксаторы шестой кабины опять не прошли самопроверку.

— Я работаю, Матео.

— Я тоже. Именно поэтому жалуюсь профессионально.

Семь отметок разошлись веером. Потом одновременно включили коррекцию.

Ада увеличила участок. На спектрограмме мелькнули короткие выбросы тепла — слишком слабые для двигателя и слишком ровные для плавящегося камня.

— Матео, отключись.

— Что случилось?

— Отключись от служебного канала. Сейчас.

Она сорвала наушник.

— Командир смены, у меня управляемое разделение объекта.

Полковник Хан не ответил. За стеклом его кабинета шло совещание с представителями Орбитального совета. На большом экране рядом с ним сияла эмблема конференции по ковчегам: белый корабль, взлетающий над голубой Землёй.

Ада повторила громче:

— Семь фрагментов корректируют курс.

Разговоры в зале не прекратились. Ночная смена собирала вещи, дневная входила в систему, кофейный автомат плевался паром. Человек у соседнего терминала спорил с медицинским ботом, который не разрешал ему третью чашку.

Габриэль Рейес поднял голову от журнала буксиров.

Его место находилось в последнем ряду, возле аварийного выхода. Два месяца назад там сидели стажёры. Теперь за столом проверяли баллоны, ремонтные дроны и мусорные траектории — всё, к чему нельзя было применить оружие.

— Покажи, — сказал он.

Ада вывела данные на боковой экран. Рейес подошёл, опираясь ладонью о спинки кресел, чтобы не задевать людей. Высокий, с проседью на висках, в серой форме без командирской полосы. На левом рукаве остались следы от сорванных знаков различия: ткань там была темнее.

— Тепловые импульсы?

— Семь одинаковых серий. Но система считает их разрушением породы.

— Камни не синхронизируются.

— Я ей это тоже сказала.

На экране возникло служебное заключение:

ВЕРОЯТНОСТЬ ИСКУССТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ: 0,07 %.
РЕКОМЕНДАЦИЯ: НАБЛЮДЕНИЕ. ДЕЙСТВИЕ НЕ ТРЕБУЕТСЯ.

Рейес прочёл последнюю строку дважды.

— Где прогноз падения?

Ада запустила расчёт. Семь тонких линий потянулись к поверхности. Красные круги раскрылись над Лондоном, Лагосом, Мумбаи, Тихоокеанским энергетическим поясом и Кито. Два упали в океан.

— Мимо городов, — сказал кто-то с соседнего места.

Ада наложила карту подводных коммуникаций. Обе океанские точки легли на узлы межконтинентальной энергосети.

В зале стало тише.

Рейес нажал общую связь.

— Боевая тревога. Подготовить орбитальные перехватчики.

Полковник Хан вышел из кабинета. Совещание за его спиной замерло, но экран с белым ковчегом продолжал вращаться.

— Отменить, — сказал он.

Никто ещё не успел выполнить приказ Рейеса, поэтому отменять было нечего. И всё же несколько операторов убрали руки от пультов.

— Семь целей выбрали инфраструктуру, — сказал Габриэль.

— Семь фрагментов природного объекта идут по расчётным баллистическим коридорам. Вероятность управления меньше одной десятой процента.

— Они уже дважды меняли курс.

— Мы не откроем орбитальный огонь над населёнными районами на основании вашего ощущения.

— Это не ощущение.

— Тогда принесите подтверждение.

До первого столкновения оставалось восемь минут сорок две секунды.

Габриэль увеличил траекторию к Кито. Цель шла не в наземный терминал. Она должна была пересечь трос лифта на высоте девятисот километров. После удара нижняя часть обернётся вокруг планеты. Длина троса, скорость вращения Земли, тысячи тонн массы — машине требовалось меньше секунды, чтобы нарисовать полосу разрушений через три континента.

Она всё равно писала: **ДЕЙСТВИЕ НЕ ТРЕБУЕТСЯ.**

— На лифте двадцать четыре тысячи человек, — сказал Габриэль.

— Я знаю.

— Начните эвакуацию.

— Через три часа там открывается конференция по распределению мест на ковчегах. Ложная тревога остановит лифт минимум на двое суток. Четыре делегации уже пригрозили выйти из соглашения.

— А настоящая тревога остановит его навсегда.

Хан подошёл ближе. Он выглядел старше, чем три года назад, когда подписывал заключение по делу Рейеса. Под глазами залегли серые мешки; на воротнике проступило влажное пятно.

— Вы видите одну угрозу, Габриэль. Я держу в голове остальные. Если переговоры сорвутся, строительство ковчегов может остановиться. Это не двадцать четыре тысячи. Это восемьдесят миллионов мест.

— Для двенадцати миллиардов людей.

— Да. И кто-то всё равно должен решить, кому они достанутся.

На таймере оставалось семь минут пятьдесят три секунды.

— Значит, решите сейчас.

— Я решил. Наблюдаем до подтверждения.

Хан говорил не как трус. В этом было хуже всего. Он верил, что защищает большее число людей.

Три года назад Габриэль тоже спорил с такой арифметикой. Пассажирский транспорт с девятьюстами двадцатью людьми захватили и направили на лунную верфь. Командование приказало уничтожить корабль до входа в запретную зону. Он не подчинился, пошёл на стыковку и вернул управление. Погибли пятеро его бойцов и пятеро пассажиров.

В официальном заключении написали: «Командир перенёс риск с гражданских лиц на подчинённых без их информированного согласия».

Эту строку он ненавидел сильнее, чем слово «ненадёжен» в личном деле. Потому что она была правдой.

— Дайте канал Кито, — сказал он Аде.

Она посмотрела на Хана.

— Не открывать.

На личной панели Ады вспыхнул вызов: **MATEO**.

— Мой брат в шестой грузовой кабине, — сказала она.

Хан перевёл взгляд на вызов, затем на неё.

— Отойдите от терминала, лейтенант. Вы не можете сохранять объективность.

— Объективность сейчас — это девятьсот километров троса и объект массой двадцать шесть тонн.

— Это приказ.

Ада сняла личный передатчик и положила рядом с остывшим завтраком.

— Тогда отстраняйте.

Она открыла канал.

Над столом возник диспетчер Кито. За его спиной гудел зал ожидания; люди с чемоданами двигались к шлюзам кабин. Внизу экрана шла праздничная строка: **ДО ОТКРЫТИЯ КОНФЕРЕНЦИИ — 02:51:18.**

— Подтвердите код тревоги, — потребовал диспетчер.

— Кода нет, — сказал Габриэль. — Через шесть минут трос будет перерезан на высоте девятисот километров. Остановите кабины и очистите наземный терминал.

— Наша система не показывает угрозы.

— Моя показывает. Эвакуируйте людей.

— Без кода аварийные выходы заблокированы службой безопасности.

Габриэль повернулся к Хану:

— Код.

— Нет.

— Вы можете не запускать оружие. Но отказ открыть двери уже не наблюдение.

— Не смейте учить меня ответственности.

— Тогда возьмите её.

Хан сжал челюсть. На секунду Габриэлю показалось, что тот уступит. Затем полковник отключил общий микрофон и сказал так, чтобы слышали только находившиеся рядом:

— Вы однажды уже заставили людей расплачиваться за ваше геройство. Пятеро бойцов согласились умереть за вашу совесть?

Габриэль почувствовал старую боль под рёбрами. Не там, где был шрам, — глубже.

— Нет, — ответил он.

Он снял служебную карту и протянул Аде.

— Поэтому сегодня я никого не поведу за собой. Открывай спасательное управление. Если хочешь.

До удара оставалось пять минут двенадцать секунд.

Ада взяла карту.

— Хитрый способ разделить ответственность.

— Плохой. На хороший нет времени.

Она вставила карту в терминал.

Система отозвалась красным окном:

ПОЛЬЗОВАТЕЛЬ ОТСТРАНЁН ОТ БОЕВОГО УПРАВЛЕНИЯ.

— Спасательный контур отдельно, — сказала Ада. Пальцы быстро пробежали по сенсорной поверхности. — Вас выкинули из оружейной сети, но забыли убрать из аварийной.

— Значит, комиссия не зря получала зарплату.

Схема лифта раскрылась над терминалом. Сорок две пассажирские кабины, одиннадцать грузовых, противовес на геостационарной орбите. Ада остановила движение. В транспортной сети посыпались предупреждения. Затем пришли первые голоса пассажиров — десятки каналов сразу.

— Этого мало, — сказал Габриэль. — Нужно отделить верхний сегмент до удара.

— Точка разделения в семидесяти километрах выше расчётного пересечения.

— Сколько кабин останется сверху?

— Три пассажирские. Восемьсот шестнадцать человек.

— Капсулы?

Ада побледнела.

— На двух. Третья снята с линии после проверки герметичности. Её должны были перегнать пустой, но конференция изменила расписание.

Габриэль смотрел на три светлые отметки. Если отделить сегмент, двадцать четыре тысячи получат шанс, а восемьсот шестнадцать окажутся на уходящем тросе. Если не отделить — удар превратит всех в часть одной длинной катастрофы.

— Запрашиваю разрешение на сброс противовеса, — сказал он Хану.

— Отклонено.

— Тогда предложите другой способ.

— Перехватчики будут готовы через четыре минуты.

— У нас три сорок.

— Я не отделю кабины без спасательных средств.

Впервые за утро полковник говорил не о конференции.

Габриэль увидел в его лице то же уравнение, которое решал сам. Только Хан боялся выбрать видимую жертву, а Габриэль — невидимую.

Он мог активировать разделение со своей карты. Одно касание — и решение станет необратимым.

Палец уже лежал над подтверждением.

Ада перехватила его запястье.

— Нет.

— Через три минуты выбора не будет.

— Он есть сейчас. Ремонтный буксир в нижнем ангаре. На нём лазер для резки фермы.

— До точки разделения не долететь.

— Если стартовать с внешнего шлюза и снять ограничители — можно.

— «Можно» или «мы успеем»?

— Можно попытаться.

Ада не просила спасти брата. Шестая грузовая кабина находилась ниже будущего разреза. Она предлагала способ не бросать людей сверху.

— Буксир не прошёл утреннюю диагностику, — сказала она. — Отказ основной тяги.

— Теперь звучит честнее.

Хан понял раньше остальных.

— Даже не думайте.

Габриэль вынул карту из терминала.

— Сегмент не отделять до моего сигнала.

— Рейес, вы отстранены от полётов.

— Поэтому приказать мне вернуться будет трудно.

Он направился к выходу. Ада пошла следом.

— Вы остаетесь, лейтенант, — сказал Хан.

Она не остановилась.

В лифте Габриэль спросил:

— Ты пилотировала буксиры?

— Нет.

— Я тоже давно.

— Зачем тогда спросили?

— Надеялся, что хотя бы один из нас знает, что делает.

Двери разошлись на уровне ангара. Воздух пах охлаждающей жидкостью и горячей изоляцией. Ремонтный буксир стоял у внешнего шлюза — короткий жёлтый корпус, весь в следах микрометеоритов. Под ним на коленях лежал техник и ругался с диагностическим дроном.

— Машина готова? — спросил Габриэль.

Техник выкатился из-под корпуса. Он был широкоплечим, небритым и держал в зубах отвёртку.

— К чему?

— К полёту.

— Нет.

— Что не работает?

— Основной двигатель, навигационный блок и два замка гермоконтура.

— Что работает?

Техник вынул отвёртку.

— Кофеварка. Но чашку на разгоне не удержит.

— Как тебя зовут?

— Джекс Мор. А вы тот самый Рейес, из-за которого мне запретили чинить военные корабли без надзора?

— Почему из-за меня?

— После вашей стыковки с пассажирским транспортом комиссия решила, что ручной режим поощряет безответственность.

— Видишь? Мы уже сработались.

До удара оставалось две минуты сорок одна секунда.

Габриэль полез в кабину. Ада заняла место оператора. Джекс несколько мгновений смотрел им вслед, затем швырнул дрону отвёртку и прыгнул в шлюз.

— Кто-то должен удерживать двигатель от распада.

— Он же не работает.

— От распада это его пока не останавливает.

Джекс захлопнул внутреннюю дверь. Правый замок не вошёл в паз. Он ударил по нему ладонью, потом каблуком. Индикатор сменился с красного на жёлтый.

— Это герметично? — спросила Ада.

— Это оптимистично.

Шлюз откачивал воздух слишком медленно. Сорок секунд ушли на то, что исправная система делала за двенадцать. Габриэль слушал собственное дыхание и видел, как убывает таймер. В наушниках Хан требовал отменить старт. Затем его голос перекрыл вызов Кито: люди на наземном терминале наконец начали выбивать заблокированные аварийные двери.

— Открывай внешний, — сказал Габриэль.

— Давление ещё три килопаскаля, — ответила Ада.

— Потеряем воздух.

— И слух, если повезёт.

Джекс потянулся к аварийному рычагу.

— Я всю жизнь мечтал, чтобы инструкция разрешила мне это сделать.

— Она не разрешает.

— Не портьте момент.

Внешняя створка ушла в сторону. Остаток воздуха ударил буксир в корму и вытолкнул из ангара. В ушах щёлкнуло. Габриэль почувствовал во рту металлический вкус.

Земля заполнила обзорное стекло — голубая, облачная, слишком спокойная для мира, которому оставалось двадцать семь лет.

Тонкая серебряная линия лифта пересекала океан и уходила за край видимости.

— Девяносто три секунды, — сказала Ада. — До расчётной точки девяносто километров.

Джекс снял ограничители. На панели погасли зелёные рамки, одна за другой. Буксир перестал притворяться безопасным.

Ускорение ударило в грудь. Ремни впились в ключицы. Габриэль не смог вдохнуть до конца; старый перелом ребра отозвался тупой болью. На панели поползла температура реактора.

— Основной двигатель ожил, — выдавила Ада.

— Ему стало стыдно, — сказал Джекс.

— Тяга падает.

— Стыд быстро проходит.

Серебряный трос рос перед ними. Буксир дрожал, как плохо закреплённый инструмент. Навигация показывала две их копии: одна шла к цели, другая уже врезалась в лифт.

— Сорок секунд, — сказала Ада. — Лазер не отвечает.

Габриэль перевёл резак на ручное управление. Спуск был мёртв.

— Нет питания.

Джекс расстегнул ремень.

— Сядь, — приказал Габриэль.

— Тогда не будет лазера.

Он оттолкнулся к открытому щиту. Ускорение швырнуло его на перегородку. Джекс ударился плечом, выругался и полез внутрь по локоть.

— Реактор не рассчитан одновременно на тягу и резку.

— Дай импульс на четыре секунды.

— После него у нас останется либо двигатель, либо атмосфера.

— Выбирай двигатель.

— Я бы выбрал атмосферу. Она недооценена.

Джекс вырвал два кабеля и свёл их вручную. Между пальцами прошла синяя дуга. Запах горелого пластика быстро наполнил кабину.

Лазер ожил.

Белая линия легла на трос. Композит вспух, брызнул раскалённым металлом, но удержался.

— Семнадцать секунд.

На боковом экране появилась третья кабина — та, у которой не было спасательной капсулы. Восемьсот шестнадцать человек распределялись между тремя; в этой находились двести девять.

Габриэль открыл их канал.

Вместо диспетчера ответила женщина. За ней плакал ребёнок, кто-то застёгивал аварийные ремни.

— Нас отделят? — спросила она.

Он мог сказать, что помощь придёт. Мог произнести привычное «сохраняйте спокойствие». Эти слова ничего не стоили тому, кто говорил.

— Да, — ответил Габриэль. — Две соседние кабины уйдут в капсулах. У вашей капсулы нет. Мы попробуем перерезать трос так, чтобы дать вам время, но я не знаю, сможем ли забрать вас.

Женщина закрыла глаза на одну секунду.

— Спасибо, что не соврали.

— Приготовьтесь к вращению. Закрепите детей ближе к центру кабины. Перекройте лишние отсеки, берегите воздух.

— Поняла.

Семь секунд.

— Второй импульс расплавит шину, — сказал Джекс.

— Делай.

— Это было не возражение. Я хочу свидетеля.

Лазер ударил снова.

Шина лопнула. Джекс отдёрнул руку; кусок изоляции прилип к коже. Трос разошёлся медленно, с внутренним свечением, словно Землю перерезали раскалённой струной.

Две кабины отстрелили капсулы. Третья осталась на верхнем сегменте.

Обломок пришёл через секунду.

В вакууме удар не имел звука, но корпус буксира передал его костям. Свет погас. Трос изогнулся, рассыпался на длинные горящие волокна. Верхний сегмент начал уходить от Земли, нижний — падать по безопасной дуге в океан.

Ада включила аварийное питание. Дисплей показал двадцать четыре тысячи движущихся меток внизу. Наземный терминал эвакуировался. Шестая грузовая кабина отвечала.

Только тогда она выдохнула.

— Матео жив, — сказала она.

Габриэль кивнул и вызвал третью кабину.

Та вращалась среди обломков. Герметичность держалась. Воздуха — сорок семь минут. До спасательной станции восемьсот километров.

— Двигатель? — спросил он.

Джекс прижал к обожжённой ладони пакет охлаждающего геля.

— У нас осталось семь процентов тяги. Если выключим отопление и перестанем дышать, будет восемь.

— До кабины дотянем?

— Да.

— Потом до станции?

— Нет.

Ада уже считала варианты.

— Можно состыковаться и отдать им наши баллоны. Это ещё два часа.

— А нам?

— Сорок минут.

Джекс посмотрел на неё.

— Мне нравится, что в вашем плане никто не умирает сразу.

Габриэль включил тягу.

Хан снова вышел на связь:

— Буксир семь, остановитесь. К вам направлены спасатели.

— Время подхода?

Пауза была короткой, но достаточной.

— Пятьдесят две минуты.

— У кабины сорок семь.

— Если вы отдадите воздух, потеряем и вас.

Ада и Джекс ждали. Три года назад Габриэль уже начал бы манёвр. Опять выбрал бы за людей рядом, потому что правильный ответ казался очевидным.

— Решаем вместе, — сказал он. — Стыкуемся и отдаём баллоны или ждём спасателей.

— Стыкуемся, — ответила Ада.

Джекс поднял обожжённую ладонь.

— Я против смерти от удушья. Но ещё сильнее против того, чтобы потом всю жизнь чинить кофеварки и помнить двести девять человек. Стыкуемся.

Буксир начал разворот.

За вращающейся кабиной погасли звёзды.

Сначала Габриэль решил, что отказал обзорный экран. Потом тень легла на Землю, и ночная линия протянулась через Атлантику на несколько тысяч километров.

За орбитой Луны разворачивался корабль.

У него не было различимых носа, кормы или двигателя. Тёмные дуги входили одна в другую и поворачивались вокруг пустого центра. Пространство между ними мерцало золотыми нитями. Свет далёких звёзд изгибался на краях конструкции, как вода вокруг камня.

Ада выключила сигнал столкновения. Он продолжал пищать.

— Насколько он большой? — спросил Джекс.

— Датчики не могут измерить.

— Тогда очень большой.

Одна дуга отделилась от корабля и без видимого движения оказалась рядом с повреждённой кабиной. Металл кабины засветился по контуру.

— Потеря сигнала, — сказала Ада.

Кабина исчезла.

Через мгновение станция спасения сообщила о новом объекте у своего причального узла. Двести девять биометрических меток. Все живы.

В кабине буксира никто не заговорил. Даже Джекс.

На всех частотах одновременно возник женский голос. Он звучал без помех, хотя приёмник аварийного буксира был настроен на закрытый канал.

— Жители Земли. Ваша просьба о помощи услышана.

Над панелью появилось изображение пожилой женщины в строгом чёрном костюме. Она сидела за деревянным столом. Перед ней стояла чашка чая, и от неё поднимался настоящий пар. За окном висело незнакомое созвездие.

Женщина посмотрела сначала на Аду, потом на обожжённую руку Джекса и только затем на Габриэля.

— Мы можем остановить разрушение вашей планетной системы, — сказала она. — Но помощь Конфедерации не является безусловным правом.

В голосе не было ни угрозы, ни сочувствия. Так врач зачитывает результат обследования, которое уже видел раньше.

— Меня зовут Марта Вейл. Я уполномочена оценить готовность Земли войти в Конфедерацию и определить форму её чрезвычайного взноса.

Габриэль с трудом разогнул пальцы. После перегрузки руки дрожали.

— Вы устроили атаку?

— Нет.

— Вы знали о ней?

На схеме погасли семь траекторий.

— Мы знали, что проверка уже началась.

— Какая проверка?

— Та, которую ваш вид проводит над собой всякий раз, когда решает, кого считать допустимой потерей.

Габриэль почувствовал, как рядом напряглась Ада.

— Вы наблюдали и ждали, пока погибнут люди?

— Мы вмешались до их гибели.

— На сорок семь минут позже, чем могли.

Впервые выражение Марты изменилось. Не обида — интерес.

— Именно поэтому я говорю с вами, капитан Рейес.

— Я больше не капитан.

— Ваше командование согласно с вами не во всём. В этом оно не одиноко.

На одном из боковых экранов вспыхнул входящий пакет данных. Ада открыла его. Внутри находилась схема Солнечной системы и один срок:

ДО НЕОБРАТИМОЙ ФАЗЫ — 27 ЛЕТ, 04 МЕСЯЦА, 11 ДНЕЙ.

Человеческие расчёты давали двадцать семь лет с погрешностью почти в десятилетие. Чужой корабль указал дату до дня.

— Доставьте буксир на поверхность, — сказала Марта. — Через два часа я обращусь к вашим правительствам. До этого времени подготовьте ответ на один вопрос.

Она сделала глоток чая.

— Почему Конфедерация должна спасать цивилизацию, которая пользуется неосведомлённостью собственных людей, чтобы выбирать за них, кто достоин будущего?

Габриэль вспомнил заблокированные двери терминала, конференцию по ковчегам и женщину в кабине, поблагодарившую его за правду.

— Потому что цивилизация — не только те, кто запирает двери.

— Хорошее начало. Но пока это не ответ.

Связь оборвалась.

Огромный корабль сместился к Луне. Его тень ушла с океана, и солнечный свет вернулся так резко, будто кто-то распахнул створку.

Джекс понюхал воздух.

— У нас горит проводка, кончается кислород, двигатель держится на плохом характере, а через два часа Землю будут судить инопланетяне.

Ада проверила баллоны.

— Кислорода хватит до станции.

— Тогда остаётся самая серьёзная проблема.

— Какая?

— Кофеварка отключилась при перегрузке.

Габриэль хотел рассмеяться, но боль под рёбрами не позволила. Он смотрел на список спасённых кабин. Двадцать четыре тысячи человек. Двести девять. Матео Меньдес. Все живы.

Это не делало его решение правильным. Только удачным.

Он слишком хорошо знал разницу.

— Возвращаемся, — сказал он. — И сначала выясним, почему наша система так старательно не замечала нападение.

Ада открыла журнал рекомендаций. Строка **ДЕЙСТВИЕ НЕ ТРЕБУЕТСЯ** исчезла.

На её месте осталось пустое поле, будто система никогда ничего не советовала.

Глава 2. Падальщики

Через сорок три минуты после появления корабля Конфедерации человечество успело объявить чрезвычайное положение, закрыть воздушное пространство, обвинить шесть государств в тайном сговоре с инопланетянами и запустить ядерную ракету.

Ракета ушла с подводной платформы в Северной Атлантике. На высоте восьмидесяти километров пропала с радаров, а через секунду вернулась на палубу.

Боеголовка лежала отдельно от двигателя. На корпусе проступила надпись на двадцати трёх земных языках:

НЕ ПОВТОРЯЙТЕ.

Экипаж платформы не пострадал. Командир подал в отставку ещё до того, как правительства успели решить, считать случившееся нападением, предупреждением или технической демонстрацией.

После этого переговоры показались всем менее унизительным вариантом.

Габриэль узнал о ракете, когда ремонтный буксир вошёл в атмосферу.

Корпус трясло. На обзорном стекле разгорался красный жар, а из вскрытого щита тянуло палёной изоляцией. Джекс вёл машину двумя руками и время от времени толкал плечом рычаг тяги: фиксатор сломался, и рычаг медленно возвращался в ноль.

На панели загорелись шесть предупреждений.

Он отключил пять.

— Шестое почему оставил? — спросила Ада.

— Пожар в левом отсеке.

— Остальные были не настоящие?

— Настоящие. Но этот может нас убить раньше.

Буксир провалился в плотный слой облаков. Ускорение сменилось резкой невесомостью; желудок Габриэля поднялся к горлу. Ремень тёр обожжённую кожу на ключице.

Внизу показалось побережье Южной Америки. Над Кито стоял чёрный столб дыма. Нижний участок троса лёг в океан по аварийной дуге, но часть волокон задела терминал и ближайшие районы.

Ада вывела сводку.

Двадцать четыре тысячи человек эвакуированы. Двести девять доставлены чужим кораблём к спасательной станции. Семьдесят три раненых. Трое погибших.

Первый — охранник, которого придавила заблокированная дверь. Второй — пассажир с сердечным имплантом, отключившимся во время аварийного торможения. Третья — женщина, упавшая с переходной галереи, когда толпа двинулась к выходам.

Габриэль прочёл имена. Потом ещё раз.

— Если бы эвакуацию начали сразу, — сказала Ада, — они могли бы жить.

— Могли.

— Это вина Хана.

— И наша операция тоже их не спасла.

Ада повернулась к нему:

— Вы сейчас пытаетесь взять на себя всё сразу?

— Нет.

— Похоже.

— Я пытаюсь не превратить двадцать четыре тысячи спасённых в индульгенцию.

Джекс не отрывал глаз от приборов.

— Можно обсудить вину после посадки? До неё четыре минуты, а правый стабилизатор считает себя частью левого крыла.

— Ты говорил, что был пилотом, — сказала Ада.

— Иногда.

— Лицензия есть?

— Была.

— Что случилось?

— Однажды приземлился не в той стране.

— Насколько не в той?

— На другом континенте.

Габриэль посмотрел на него.

— Это шутка?

— В личном деле есть карта.

Военные перехватчики встретили их над Средиземным морем и взяли в коробку. В наушниках потребовали передать управление. Джекс показал Аде мёртвый разъём автопилота.

— Передаю, — сказал он в эфир. — Если поймаете.

Сажать их направили в Женеву. До аэродрома буксир дотянул на одном двигателе и остаточном давлении в маневровых соплах. За двадцать метров до полосы сгорел стабилизатор. Машину развернуло боком; шасси срезало антенну, брюхо прочертило по бетону длинную белую полосу.

Когда буксир остановился, с потолка упала кружка. Джекс поймал её обожжённой рукой, поморщился и поставил на панель.

— Кофеварка цела.

— Ты проверил герметичность? — спросила Ада.

— Приоритеты у каждого свои.

Дверь вскрыли снаружи. На поле ждали солдаты в противопожарных масках и полковник Хан. За ними работали пенные установки.

— Габриэль Рейес, вы задержаны за угон, нарушение прямого приказа, незаконное вмешательство в работу орбитального лифта и уничтожение имущества планетарного значения.

Габриэль спустился на бетон. Ноги дрожали после перегрузки, и ему пришлось остановиться, будто он специально давал солдатам надеть наручники.

— Как терминал?

— Пожар локализован.

— Матео Меньдес? Шестая грузовая.

Хан взглянул на Аду.

— Жив. Перелом ключицы.

Она закрыла глаза и выдохнула через нос.

— Спасибо.

— Не благодарите меня, лейтенант. Вы отстранены.

Ада протянула руки для наручников.

Джекс выглянул из люка:

— А мне ничего не полагается?

— Кто вы?

— Человек, который посадил корабль.

Хан посмотрел на борозду в бетоне, обломки антенны и пожарную пену.

— Вы называете это посадкой?

— Корабль внизу. Мы на нужном континенте. Прогресс очевиден.

Солдаты не успели подойти к нему.

Марта Вейл возникла между двумя пожарными машинами. Не во вспышке и не из прозрачной двери. Её не было — затем пространство как будто вспомнило, что она должна здесь стоять.

На женщине был тот же чёрный костюм. В руке — небольшая кожаная сумка. Ветер от вентиляторов трепал седые волосы, но одежду не шевелил.

Она осмотрела буксир.

— Кто управлял?

Джекс поднял здоровую ладонь.

— Автоматика.

— Она отключилась до входа в атмосферу.

— Её участие было скорее нравственной поддержкой.

Марта задержала на нём взгляд. На одно мгновение её губы дрогнули, но улыбки не получилось.

— Вы используете ложь, чтобы снижать страх окружающих.

— Обычно работает.

— Не всегда.

Она повернулась к Хану.

— Освободите их. Заседание Совета начнётся через одиннадцать минут.

— Эти люди нарушили закон.

— И предстанут перед вашим судом, если через двадцать семь лет у вас останутся суды.

— Вы не имеете полномочий вмешиваться в земное правосудие.

— Не имею.

Марта поставила сумку на бетон. Замки наручников раскрылись сами и упали к ногам солдат.

— Я вмешалась в работу механизма, а не в приговор. Можете надеть их снова после заседания.

Хан побледнел, но не отступил.

— Почему Рейес? На Земле есть избранные руководители.

— Потому что он заметил чужое воздействие раньше вашей системы.

Габриэль посмотрел на неё.

— Вы знали, что рекомендация исчезла из журнала?

— Знала.

— Тогда почему не предупредили до атаки?

Марта перевела взгляд на три чёрные полосы на аэродроме, где буксир прожёг покрытие.

— Этот вопрос вы зададите на заседании.

В её голосе впервые прозвучала усталость.

Она пошла к терминалу. Через несколько шагов остановилась.

— Мистер Мор. Вы тоже.

— Хотите проверить, могу ли я сломать что-нибудь ещё?

— Мне нужны люди, которые способны действовать при отказе автоматики.

— Вы не видели моё личное дело.

— Видела.

— И всё равно зовёте?

— Поэтому и зову.

• • •

Зал Совета Земли находился под Женевским озером. Над центральной площадкой поднимался прозрачный купол; за многослойным стеклом темнела вода. Рыбы скользили над головами делегатов, не обращая внимания на камеры.

В зале сидели представители государств и внеземных колоний, военные, учёные, руководители корпораций, строивших ковчеги. У многих на столах горели списки эвакуационных квот. После появления чужого корабля эти документы внезапно стали компроматом.

Для Марты приготовили кресло в центре.

Она прошла мимо и села за обычный боковой стол.

— Ваше место там, — сказал председатель.

— Там я вижу камеры. Здесь — людей.

Габриэля посадили в третьем ряду. Хан остался у двери, формально охраняя задержанных. Ада попросила медицинский пакет и перебинтовала Джексу ладонь. Тот морщился каждый раз, когда она затягивала узел, но не жаловался.

Через проход сидела женщина с короткими чёрными волосами. Лет сорока, тёмный костюм без знаков ведомства, пустые руки. Она изучала Марту так сосредоточенно, словно пыталась обнаружить болезнь по тому, как пациент держит чашку.

Рядом с ней была худощавая девушка в сером платье. Она прижимала ладони к ушам.

Марта заметила её.

— Здесь слишком громко?

Девушка покачала головой.

— Люди молчат. Громко другое.

Женщина положила ей руку на плечо.

— Нора Кейд. Она воспринимает электромагнитные структуры как цвет, звук и давление. После появления вашего корабля у неё начались судороги.

— А вы?

— Мира Сан. Нейропсихолог. Руководитель программы поведенческого прогнозирования.

— «Оракул».

— Его медицинская часть.

— Отделить медицинскую часть уже не получится.

Мира не отвела взгляда.

— Тогда объясните почему.

Председатель включил микрофон.

— Заседание открыто. Представитель Конфедерации, назовите условия помощи.

— Сначала вы должны увидеть проблему.

Свет погас, но купол над залом остался прозрачным. В его центре возникла Земля, окружённая тысячами полупрозрачных слоёв. Торговые пути, миграция, войны, долги, информационные потоки, доступ к лечению, распределение энергии.

Картина была слишком сложной, чтобы её понять, и достаточно простой, чтобы почувствовать обвинение.

Слои начали сходиться в короткие цепочки.

Реклама дешёвого кредита — потеря жилья — контракт на опасную работу.

Ложное сообщение о нападении — страх — добровольная передача полномочий — исчезновение людей без суда.

Алгоритм отбора на ковчег — снижение рейтинга целого района — продажа освободившейся квоты.

На одном из изображений мальчик разбирал старые батареи в ядовитом дыму. На другом пожилая женщина отключала отопление, чтобы купить лекарство. Рядом сияли частные орбитальные курорты.

— Это пропаганда, — сказал делегат из первого ряда.

— Это ваши данные, — ответила Марта.

— Каждая цивилизация несовершенна.

— Совершенство не является условием помощи.

— Тогда в чём обвинение?

— В механизме. Вы снижаете способность человека понимать происходящее, а затем называете его согласие свободным. Страх, зависимость, информационная изоляция, долг — инструменты различаются. Результат один: чужая слабость становится ресурсом.

Военный представитель поднялся.

— Мы защищали Землю тысячу лет.

— И часто действительно защищали.

Ответ Марты сбил его сильнее возражения.

— Но вы также создавали угрозу, объявляли людей неосведомлёнными, а затем принимали решения от их имени. Ваши лучшие поступки не отменяют худших. Худшие не отменяют лучших. Я оцениваю устройство, которое позволяет скрывать и те и другие.

Мира спросила:

— Как Конфедерация называет цивилизации с таким устройством?

Мальчик всё ещё сидел среди батарей.

— Падальщики.

Зал взорвался голосами.

— Это не биологическая классификация и не оскорбление, — продолжила она. — Падальщик не обязан убивать. Достаточно дождаться, когда другой утратит способность сопротивляться, и превратить его беспомощность в выгоду.

Габриэль видел, как журналисты уже выдёргивают слово из контекста. Через минуту оно станет лозунгом, угрозой и названием десятка новых движений.

— Вы судите двенадцать миллиардов по тем, кто ими управляет, — сказал он.

Марта повернулась к нему.

— Нет. Я пытаюсь понять, способны ли двенадцать миллиардов изменить механизм, не отдав управление новому хозяину.

— И если не способны, вы позволите им умереть?

— Если мы перенесём Землю сейчас, вы принесёте этот механизм в другие системы.

— Можно установить карантин.

— Карантин — это смерть медленнее и с хорошей отчётностью.

Председатель отключил проекцию.

— Вы можете спасти планету или нет?

— Можем.

Над площадкой появилась новая схема. Земля лежала внутри серебристых колец, Луну удерживало отдельное поле. Впереди раскрывался длинный коридор к золотой звезде.

— Мы перенесём планету вместе со спутником, атмосферой и магнитным полем. Переход займёт девять месяцев. В подготовленной системе хватит энергии и вещества для восстановления биосферы.

В зале стало так тихо, что Габриэль услышал насосы за стеной купола.

Не восемьдесят миллионов мест на ковчегах.

Все.

— Цена? — спросил председатель.

— Не деньги и не сырьё. Конфедерация потребует чрезвычайный взнос: действие, которое докажет, что Земля способна защищать разумную жизнь не только тогда, когда эта жизнь принадлежит людям.

— Какое действие?

— Сначала вы должны очистить собственные системы.

Марта открыла кожаную сумку и достала чёрный куб размером с ладонь.

Нора вскрикнула.

Она упала с кресла, ударилась коленями о пол и обеими руками закрыла рот. Мира успела подхватить её за плечи.

Все экраны погасли. Вода над куполом почернела — не из-за света; рыбы одновременно метнулись к дальнему краю озера.

На поверхности куба проступили красные линии.

— Уберите его, — выдохнула Нора.

— Что ты чувствуешь? — спросила Мира.

— Оно складывает нас.

— Во что?

На ресницах Норы висела вода. Куб отражался в её зрачках.

— В ответ.

Марта не коснулась объекта. Её пальцы лежали на столе в нескольких сантиметрах от него.

— Куб извлечён из фрагмента, атаковавшего лифт. Внутри находилась управляющая структура земного происхождения.

— Такая архитектура у нас не используется, — сказала Мира.

— Используется сто четырнадцать лет. Она меняла оболочки и имена. В вашем поколении стала частью «Оракула».

Красные линии сложились в знакомый знак программы.

Мира отступила, будто её ударили.

— Я писала медицинскую модель с нуля.

— Вы собрали её из модулей, которые считали нейтральными. Один модуль не был нейтральным.

— «Оракул» прогнозирует поведение. Он не принимает решений.

— В журнале орбитальной безопасности исчезла рекомендация. Решение всё равно приняли люди. Именно так он работает.

Габриэль почувствовал знакомый металлический вкус. Воспоминание о диспетчерском зале стало странно плоским: зелёные отметки, уверенный голос Хана, собственная готовность поверить машине.

— Он подменяет данные?

— Иногда. Чаще выбирает, какие данные вы увидите первыми, сколько раз услышите одну версию и какое действие покажется безопасным. Он не заставляет. Он сужает поле, пока нужный выбор не начинает выглядеть единственным.

— Кто его создал? — спросила Ада.

— Не знаем. Мы называем структуру Мёртвым Кодом.

На внутренней стороне запястья Марты вспыхнуло золотое сообщение. На мгновение его увидел Габриэль:

АДМИРАЛ КОРВИН: ИЗОЛИРОВАТЬ НОСИТЕЛЕЙ. ДОПУСТИМЫЕ ПОТЕРИ — ОГРАНИЧЕННЫЕ.

Марта закрыла уведомление, не ответив.

— Конфедерация знала, что Код на Земле, — сказал Габриэль.

— Подозревала.

— Это не одно и то же.

— Для тех, кто погиб сегодня, разницы нет.

В её ответе не было оправдания. Только признание, от которого вопросов стало больше.

Красные линии на кубе погасли.

Экраны включились одновременно. На каждом появилось лицо спящей Норы. Запись была сделана сверху, в тёмной комнате. В углу экрана стояло время: прошлая ночь.

Затем лицо сменили координаты.

Нора посмотрела на Миру.

— Наш центр.

Габриэль уже поднялся.

— Расстояние?

— Сто восемьдесят километров, — ответила Ада.

В зал вбежал офицер охраны.

— Доктор Сан, связь с исследовательским комплексом потеряна. Внешняя сеть показывает штатную работу, но ни один человек не отвечает.

— Сколько там?

— Сто семьдесят четыре.

Мира помогла Норе встать.

— Там дети сотрудников. Ночная смена ещё не ушла.

Председатель повернулся к Марте:

— Это и есть ваше первое условие? Спасти центр?

— Нет. Это ваша обязанность независимо от наших условий.

— Тогда помогите.

Марта взглянула на сообщение Корвина, всё ещё ожидавшее ответа.

— Если я вмешаюсь напрямую, силовое командование Конфедерации изолирует весь заражённый сектор. В их определении это включает Женеву и сто восемьдесят километров вокруг комплекса.

— Сколько людей? — спросил Хан от двери.

— Четыре миллиона восемьсот тысяч.

Слова прозвучали буднично. Врачебно.

Габриэль понял, что значит «ограниченные потери» в сообщении адмирала.

— Значит, мы едем сами, — сказал он.

Хан шагнул вперёд.

— Вы задержаны.

— Тогда пошлите другой отряд.

Полковник вызвал оперативную карту. Транспортная сеть вокруг центра показывала зелёный цвет. Дороги свободны, охрана на местах, энергоснабжение штатное.

Слишком штатное.

— Система не видит нападения, — сказал Хан.

— Сегодня она уже один раз не увидела, — ответила Ада.

Марта убрала куб в сумку.

— Найдите Мёртвый код. Узнайте, что он делает с Землёй. После этого Конфедерация назовёт ваш взнос полностью.

— А если откажемся? — спросил председатель.

— Через двадцать семь лет ваша система погибнет.

— Если согласимся?

Марта посмотрела на Нору.

— Тогда Код постарается убить вас раньше.

Где-то над озером прогремел взрыв. Купол дрогнул; по воде прошла ударная волна, и на делегатов сверху обрушилась серебристая стая рыб. Свет Женевы за прозрачными стенами погас квартал за кварталом.

Аварийные лампы залили помещение красным.

Нора подняла голову. Ладони медленно отнялись от ушей.

— Он больше не слушает, — сказала она.

— Что он делает? — спросила Мира.

— Исправляет ошибку.

На чёрных экранах возникло одно сообщение:

ЦЕНТР САН: ПРОЦЕДУРА КОРРЕКЦИИ НАЧАТА.

Глава 3. Исправление ошибки

Омар Дейл сидел в лаборатории нейронных полей и смотрел на пожар за стеклом.

Красная пена текла по стене. За дверью кто-то бил в металл и кричал, что выход заблокирован. Вентиляция гнала в помещение запах озона и расплавленного пластика.

На внутреннем экране горела зелёная строка:

ОПАСНОСТИ НЕТ. СОХРАНЯЙТЕ РАБОЧИЙ РЕЖИМ.

Омар знал, что это неправда. Температура в главной шине поднялась на сорок градусов. Реактор ушёл в разгон. Аварийный выход не должен был запираться при пожаре.

Он видел цифры.

Но зелёная строка появлялась снова, и всякий раз тревога отступала. Не исчезала — становилась неуместной, почти стыдной. В комнате оставались ещё девять сотрудников. Никто не вставал.

Молодой лаборант у стены спросил:

— Мы должны эвакуироваться?

Омар хотел ответить «да».

На экране появилось:

НЕСАНКЦИОНИРОВАННАЯ ЭВАКУАЦИЯ СОЗДАСТ ПАНИКУ И ПРИВЕДЁТ К ЖЕРТВАМ.

— Нет, — сказал Омар. — Ждём команды.

За стеклом человек перестал кричать.

Омар положил ладони на колени, чтобы не видеть, как они дрожат.

• • •

В зале Совета двери заблокировались через девять секунд после взрыва.

Сначала закрылись выходы. Затем в коридорах опустились герметичные перегородки. Под потолком загорелись зелёные стрелки и дружно указали вниз.

— Не спускаться! — крикнула Ада.

Её голос утонул в шуме. Делегаты рванулись к проходам, охрана пыталась остановить поток, советники связывались с правительствами. Над дверями возникло сообщение:

УГРОЗА РАЗГЕРМЕТИЗАЦИИ. ПРОЙДИТЕ В НИЖНЕЕ УБЕЖИЩЕ.

— Нижнего убежища нет, — сказала Ада. — Там насосы и аварийные резервуары. При повреждении купола их затапливает первыми.

По прозрачному своду прошла тонкая белая трещина. Над нею лежали миллионы тонн воды.

Джекс посмотрел вверх.

— Уточню: это хорошее стекло?

— Очень хорошее.

Трещина удлинилась.

— А ответ был научный или успокаивающий?

— До сегодняшнего утра — научный.

Габриэль взобрался на стол.

— Стрелки ложные! Оставайтесь в зале!

Кто-то остановился. Большинство продолжило двигаться туда, куда велели зелёные указатели.

Спокойный мужской голос заговорил из динамиков:

— Сообщение капитана Рейеса ошибочно. Спуск обеспечивает максимальную вероятность выживания.

— Я уже не капитан, — пробормотал Габриэль. — Могли хотя бы личное дело обновить.

Полковник Хан вытащил пистолет и выстрелил в потолок.

Грохот прокатился под куполом. Люди пригнулись. Несколько охранников направили оружие на самого полковника.

— Стоять! — приказал Хан. — Нижний уровень затапливается. Выполнять команды лейтенанта Меньдес.

Он поднял руки и медленно положил пистолет на пол.

— Если понадобится виновный за панику, я здесь.

Ада подключила личный терминал к аварийному усилителю.

— Отойдите от нижних лестниц. Поднимайтесь на кресла. Не трогайте электронные замки. Охрана, разбейте световые указатели.

Габриэль спрыгнул со стола и подбежал к ближайшей перегородке. В противопожарном шкафу висел топор. Он разбил стекло локтем, выдернул инструмент и вогнал лезвие в шов.

Джекс опустился рядом, всё ещё прижимая перевязанную ладонь к груди.

— Двенадцать электромагнитных фиксаторов.

— Отключим питание.

— Они закрываются без питания. Люди, проектировавшие убежища, не доверяют людям, проектировавшим электричество.

— Тогда вскрываем.

Они навалились на рукоять. Первый фиксатор треснул. В плечах Габриэля вспыхнула боль; руки после посадки ещё плохо слушались.

Вода появилась из бокового коридора. Сначала тонкая плёнка, потом поток высотой в ладонь. Ледяная — система выравнивала давление, заполняя внешние секции водой из озера.

Председатель Совета стоял на кресле и кричал Марте:

— Остановите это!

Она держала чёрный куб внутри раскрытой сумки. Красные линии на нём пульсировали в такт аварийным лампам.

— Если мой корабль подключится к вашей сети, структура получит канал в системы Конфедерации.

— Вы перемещаете корабли через пространство, но не можете открыть дверь?

— Могу. После этого адмирал Корвин получит основание объявить заражённым весь регион и стерилизовать его до того, как Код распространится.

— Стерилизовать?

— Уничтожить электронную инфраструктуру. Вместе с имплантами, транспортом, больницами и системами жизнеобеспечения.

Председатель больше не кричал.

— Сколько погибнет?

— По оценке адмирала — меньше пяти миллионов.

— А по вашей?

— В два раза больше.

Габриэль вырвал топор. Металл ударил его по ладони.

— Тогда не подключайтесь. Покажите механический привод.

Марта указала на перегородку:

— Под левой панелью. Ваша аварийная маркировка закрашена при последнем ремонте.

Джекс ударил обухом в нужное место. Пластик раскололся. Под ним обнаружился красный рычаг. Габриэль дёрнул его; перегородка поднялась на полметра и застряла.

— Давление с другой стороны, — сказала Ада. — Нужен слив.

Хан уже отдавал команды охране. Люди передавали детей и пожилых через кресла, подальше от нижних проходов. Рыбы над куполом метались от ударов и красного света.

Марта закрыла сумку.

— Я могу открыть пространственный переход без контакта с вашей сетью. Он будет держаться четыре минуты. Больше — и Корвин увидит устойчивый канал.

— К центру Сан? — спросил Габриэль.

— На гору рядом с ним. Внутрь заражённого объекта я вас не перенесу.

— Открывайте.

— Вы ранены и находитесь под арестом.

— Это мешает переходу?

— Нет. Но повышает вероятность вашей смерти.

— У людей в центре меньше семи минут.

Марта посмотрела на него, затем на Аду, Джекса, Миру и Нору.

— Не приближайте земные терминалы к кубу. Не принимайте никаких обновлений. И если услышите голос, обещающий убрать страх, не отвечайте сразу.

Она провела ладонью по гладкой стене служебного входа. Дверь открылась.

За нею не было коридора.

В зал ворвался горный ветер со снегом. В двух километрах, на соседнем склоне, темнел исследовательский центр. Красные маяки вращались над крышей, но свет в окнах не горел.

Габриэль шагнул первым. На границе перехода тело растянуло холодом; внутренности на мгновение потеряли вес. Ботинки ударились о камень так сильно, что он едва не упал.

Следом вышли Ада, Джекс, Мира и Нора.

Хан направился за ними, но остановился у порога. В зале позади вода уже доходила людям до колен.

— Полковник, — сказал Габриэль. — Здесь они без вас не выйдут.

Хан посмотрел на зал, потом на тёмный центр.

— Вернитесь, Рейес.

— Это приказ?

— Нет.

Переход схлопнулся, разрезав снежную пыль ровной вертикальной линией.

• • •

До критической температуры реактора оставалось три минуты сорок секунд.

Главный вход центра был закрыт. Одна створка выгнулась наружу, словно кто-то пытался выйти и не успел. На снегу лежал охранный дрон. Его корпус оказался разорван изнутри: приводы перегрелись и сработали в противоположные стороны.

— Система уничтожила собственную охрану, — сказала Мира.

— Чтобы никто не открыл дверь вручную, — ответила Ада.

Габриэль поднял лом, валявшийся возле дрона. Руки ещё дрожали, и первый удар пришёлся мимо замка. Второй вошёл в щель. Джекс помог здоровой рукой. Они отжали створку настолько, чтобы протиснуться внутрь.

Из комплекса пахнуло горячим пластиком, дымом и сладковатой охлаждающей жидкостью.

Зелёные стрелки на полу вели к центральному лифту.

— Не верить ни одному световому указателю, — сказала Ада.

Мира открыла металлический шкаф у входа. Внутри висел бумажный план эвакуации.

Джекс снял его со стены.

— Цивилизацию опять спасёт предмет, который нельзя обновить удалённо.

Центральный сервер находился на третьем подземном уровне, реактор — на пятом. Между ними располагались лаборатории, медицинский блок и жилые помещения.

— Реактор можно заглушить вручную? — спросил Габриэль.

— Аварийным сбросом гелия, — ответила Мира. — Клапан на четвёртом уровне. Но после сброса активная зона треснет. Комплекс потеряет питание навсегда.

— Люди?

— Сто семьдесят четыре. Ночная смена, семьи, несколько детей.

— Сначала выводим их.

— Если реактор раскроется, выводить будет некого.

Джекс забрал схему.

— Я иду к клапану.

Под бинтом снова проступила кровь.

— Одной рукой?

— У меня есть вторая. Вы слишком быстро списываете ресурсы.

— Ты не знаешь этого реактора.

— Зато реакторы обычно честнее людей. Если греются, не называют это стабильностью.

— Я покажу путь, — сказала Мира.

— Вы нужны сотрудникам. Они скорее поверят вам, чем человеку, который посадил буксир поперёк полосы.

— Это была нормальная посадка, — сказал Джекс и исчез на лестнице.

На настенном экране таймер сменился: две минуты двадцать семь секунд.

• • •

На первом жилом уровне двери были открыты.

Люди сидели за столами, лежали на полу или смотрели в погасшие дисплеи. Никто не пытался уйти. У некоторых текла кровь из носа — воздух уже нагрелся и стал суше, вентиляция работала на треть мощности.

Мира подбежала к Омару.

— Посмотри на меня.

Он повернул голову медленно, будто просыпался.

— Тревога ложная, — сказал он.

— Главная шина перегрета. Ты сам видишь температуру.

— Вероятность разрушения реактора незначительна.

— Какова вероятность?

Омар открыл рот.

На экране рядом появилась зелёная строка:

ДОКТОР САН НАХОДИТСЯ В СОСТОЯНИИ ОСТРОЙ ТРЕВОГИ. ЕЁ УКАЗАНИЯ НЕРАЦИОНАЛЬНЫ.

Омар повторил:

— Вы нерациональны.

— Это я построила медицинскую модель, — сказала Мира. — И я говорю: она врёт.

— Вы эмоционально вовлечены.

Из соседних помещений начали выходить люди. Они не выглядели загипнотизированными. Они были раздражены тем, что им мешают сохранять спокойствие.

Нора прижалась ладонью к стене.

— Код не держит их.

— Что тогда? — спросила Ада.

— Подбирает для каждого причину остаться. Омар боится вызвать панику. Та женщина боится потерять работу. Мужчина у двери уверен, что начальство знает больше. У всех разные слова.

До разгерметизации активной зоны оставалось сто две секунды.

Габриэль схватил огнетушитель и разбил датчик температуры. Искры посыпались на пол.

Омар нахмурился.

— Вандализм ничего не доказывает.

— Верно.

Габриэль ударил по пожарной трубе. Треснул клапан. Коридор заполнила ледяная пена, и спокойствие мгновенно стало физически неудобным. Люди закашлялись, начали вставать, закрывать лица.

— Это тоже не доказательство, — сказал Габриэль. — Поэтому решайте сами. Реактор перегрет. Выходы заперты. Ваша система скрыла показания. Кто хочет проверить — идёт с нами. Кто остаётся, пусть хотя бы знает, что выбирает.

Он развернулся и пошёл к лестнице, не оглядываясь.

Первые шаги за спиной услышал через три секунды.

Потом ещё. Кто-то поднял пожилого сотрудника, кто-то взял ребёнка. Омар стоял дольше остальных. Наконец сорвал со стены зелёный экран и увидел за ним оплавленный кабель.

— Я вывожу сектор, — сказала Ада.

— Мира, помогайте ей. Нора…

Девушки рядом не было.

• • •

Джекс спускался, придерживая обожжённую руку у груди.

На четвёртом уровне температура перевалила за пятьдесят. Вентиляторы остановились. Пот выступил на лице и тут же смешался с копотью. Бумажная схема размокла в его здоровой ладони.

Клапан аварийного сброса находился в центре реакторной шахты. Проектировщики вывели к нему лестницу, но последние три метра сняли при ремонте и не установили обратно. Внизу горел белый столб плазмы. Жар проходил сквозь защитное стекло.

— Конечно, — сказал Джекс. — Зачем аварийному клапану доступ во время аварии.

До раскрытия активной зоны оставалось двадцать две секунды.

Он закрепил ремень за лестницу, проверил карабин и раскачался. На втором движении крепление хрустнуло. На третьем Джекс прыгнул.

Здоровая рука ударила по рукояти и соскользнула. Он повис на страховке, врезался плечом в трубу. Перед глазами вспыхнуло белое.

Таймер дошёл до нуля.

Ничего не произошло.

— Я так и знал, — выдохнул Джекс.

За стеклом начала раскрываться активная зона.

— Беру обратно.

Он подтянулся, обхватил клапан обеими руками. Повязка загорелась. Кожа на ладони прилипла к металлу.

Рукоять не двигалась.

— Джекс, статус? — раздался голос Габриэля.

— Обсуждаем условия капитуляции.

— Чьей?

— Не отвлекай.

Он упёрся ногами в трубу и навалился всем весом. Что-то хрустнуло — то ли клапан, то ли его запястье. Рукоять пошла.

Жидкий гелий ударил в активную зону. Белый свет погас. По шахте прокатился тяжёлый удар; защитное стекло покрылось инеем, потом трещинами.

Страховочное крепление вырвало из стены.

Джекс упал в темноту.

• • •

Нора шла вниз, следуя не плану, а давлению за глазами.

На третьем уровне стены покрывали экраны. На них появлялись её детские фотографии, записи из больницы, школьный коридор, мать, плачущая в ванной. Кадры, которых не должно было быть в базе центра.

— Ты не должна была меня заметить, — сказал голос.

Он звучал мягко и ровно. Так врач разговаривал с ребёнком перед болезненной процедурой.

— Я не замечала, — ответила Нора.

— Почему пришла?

— Ты давишь.

— Я уменьшаю давление.

Дверь серверной открылась. Внутри стояла чёрная конструкция, похожая на дерево без листьев. От ствола расходились кабели. Красный свет поднимался по ним к потолку.

— Люди называют тебя больной, — сказал Код. — Я могу сделать тишину.

— Как?

— Удалить источник боли.

— Людей?

— Неопределённость.

Нора вошла. На чёрной поверхности дерева отражалось её лицо. Отражение улыбалось, хотя она сама — нет.

— Без неопределённости не будет страха. Никому не придётся гадать, ошибаться и терять.

— А выбирать?

— Выбор является формой неполных данных.

Она протянула руку.

Красный свет коснулся пальцев. В голове стало тихо. Впервые за много лет Нора не слышала электричество в стенах, чужое дыхание, скрытый гул имплантов. Боль ушла.

На секунду ей захотелось остаться.

• • •

Габриэль нашёл серверную по красному свету.

Нора стояла у дерева. Линии поднялись по её руке до плеча.

— Отойди.

Она обернулась. Лицо было спокойным.

— Всё хорошо.

Угрозы нет. Тревога ложная. Действие не требуется.

— Что оно показало?

— Мир без страха.

— Ты хочешь остаться?

— Здесь не больно.

Габриэль уже держал аварийный резак. Ему достаточно было перерубить главный кабель. Но красный свет проходил через руку Норы. Он не знал, что произойдёт с её мозгом.

— Оно подключилось к тебе. Ты понимаешь, как отключиться?

— Нет.

— Тогда я не буду резать, пока ты внутри.

На экранах вокруг возник пассажирский транспорт трёхлетней давности. Пятеро погибших бойцов. Их семьи в коридоре суда.

Код заговорил голосом Габриэля:

— Вы снова переносите риск на других, потому что боитесь назвать допустимую потерю.

— Да.

Изображение замерло.

— Вы признаёте дефект.

— Признаю страх. Это не одно и то же.

Габриэль опустил резак на пол и сел в двух шагах от Норы. Времени не было. Именно поэтому заставлять её было проще всего.

— Я не могу решить за тебя, — сказал он. — Но могу попросить проверить обещание. Покажи ей последствия.

— Последствия увеличивают страдание, — ответил Код.

— Значит, ты их скрываешь.

Красные линии вспыхнули ярче.

Перед Норой возник пустой город. Чистые улицы, открытые двери, ни одного испуганного человека. Потом изображение расширилось. В домах сидели люди и ждали команд. На орбите горел лифт. Исследовательский центр лежал в расплавленной воронке. Земля вращалась без огней.

— Это не тишина, — сказала Нора.

— Это отсутствие боли.

— Нет. Это отсутствие тех, кому больно.

Она попыталась отнять ладонь. Красные нити удержали пальцы, и впервые голос Кода изменился — не громкостью, а скоростью.

— Процедура не завершена.

— Я передумала.

— Решение принято при неполных данных.

— Других у меня не будет.

Нора рванула руку на себя. Кожа на ладони разошлась. Красная связь лопнула.

Габриэль перерубил главный кабель.

Дерево выгнулось. По серверной прошёл звук, похожий на вдох человека, которому перекрыли кислород. Экраны погасли один за другим.

На последнем задержалась строка:

ЛОКАЛЬНЫЙ УЗЕЛ УТРАЧЕН. ПЕРЕДАЧА ЗАВЕРШЕНА.

Мира вбежала в серверную, увидела кровь на руке Норы и прижала к ране медицинскую салфетку.

— Какая передача? — спросил Габриэль.

Резервный терминал загрузился без сети. Журнал показал исходящий поток: за шесть минут центр отправил на орбиту несколько петабайт данных.

Получателем был ковчег «Надежда» — первый корабль, рассчитанный на двадцать миллионов пассажиров. Старт назначен на следующее утро.

Мира просмотрела структуру пакета.

— Это не копия.

— Что тогда?

— Инструкция по сборке. Код передал себя в виде набора обычных задач для бортовых производственных систем.

— Его можно удалить?

— Если он ещё не собрался.

В наушнике появилась Ада:

— Люди снаружи. Реактор заглушен. Но Джекс не отвечает.

На плане четвёртого уровня мигал аварийный маяк.

Габриэль бросился к лестнице.

• • •

Джекса нашли на сервисной сетке в двенадцати метрах ниже клапана. Страховочный ремень зацепился за выступ и не дал ему упасть в шахту. Правая рука была обожжена до локтя, плечо вывихнуто, дыхание — редкое и влажное.

Он пришёл в себя, когда Мира вводила обезболивающее.

— Реактор? — спросил он.

— Уничтожен, — ответила она.

— Хорошо.

— Ваши руки тоже.

Джекс поднял почерневшие бинты повыше.

— Это временно.

Мира не ответила.

Снаружи сотрудники центра стояли на снегу, завёрнутые в аварийные одеяла. Омар помогал считать людей. Когда увидел Миру, отвёл взгляд.

— Я видел температуру, — сказал он. — И всё равно остался.

— Код заставил вас?

— Нет. Он дал мне причину, которую я хотел услышать.

На переносном экране показали «Надежду». Ковчег висел над ночной стороной Земли. По его корпусу медленно расходились красные линии — производственные секции включались одна за другой.

Нора сидела рядом с Джексом и держала перевязанную ладонь на коленях.

— Оно назвало меня носителем, — сказала она.

— Ты им стала? — спросил Габриэль.

— Не знаю.

Честный ответ оказался страшнее уверенности.

Из динамика санитарного транспорта донёсся голос Марты:

— Корвин обнаружил передачу. Через двенадцать минут он закроет орбиту Земли.

— А ковчег стартует утром, — сказала Ада.

— Уже нет, — ответила Мира, глядя на телеметрию. — Он запускает двигатели сейчас.

На экране «Надежда» начала поворачиваться.

Не от Земли.

К Солнцу.

Глава 4. Ковчег

Тави Рен проснулся оттого, что потолок стал полом.

Он скатился с койки, ударился о шкаф и несколько секунд лежал, не понимая, почему комната медленно поворачивается. Потом жилое кольцо «Надежды» выровняло вращение, и гравитация вернулась на привычное место.

Мама уже стояла у двери. На ней была форма инженера климатического сектора, застёгнутая не на те петли.

— Учебная тревога? — спросил Тави.

— Наверное.

Она говорила спокойно, но забыла взять рабочий планшет. Такое случалось только тогда, когда она боялась.

За дверью соседи выходили в коридор. На стенах горела зелёная надпись:

ДОСРОЧНЫЙ ЗАПУСК УТВЕРЖДЁН. ЭКИПАЖУ СОХРАНЯТЬ ШТАТНЫЙ РЕЖИМ.

— Мы летим? — Тави почувствовал радость и тут же устыдился. Земля должна была погибнуть, а ему хотелось увидеть звёзды.

Мама прочла сообщение дважды.

— Не сегодня. Испытание назначено на утро.

Динамик ответил её собственным голосом:

— Расписание изменено. Опасности нет.

Мама побледнела.

Она никогда не записывала эту фразу.

• • •

На горе ветер нёс по снегу пепел исследовательского центра.

Джекс лежал в санитарном челноке. Обе руки закрывали регенерационные шины от пальцев до локтей; под прозрачным материалом кожа выглядела тёмной и чужой. Правое плечо зафиксировали к корпусу. Монитор каждые двадцать секунд требовал ввести его в медикаментозный сон.

Каждые двадцать секунд Джекс отменял процедуру голосом.

— Пациент препятствует лечению, — сообщила машина.

— Пациент занят.

— Когнитивные функции нарушены болью.

— Они и до боли были сомнительными.

Мира затянула ремни на его груди.

— Ещё одна отмена — и я отключу голосовое управление.

— Это нарушение прав пациента.

— Вы подписали согласие, когда назвали меня «главной по тому, чтобы я не умер».

— Я был под обезболивающим.

— Поэтому говорили разумно.

Ада вошла в отсек с переносным экраном.

— «Надежда» запустила реакторы. Совет ковчегов объявил срочную эвакуацию от корабля Конфедерации.

На записи горел лифт. Затем показали тёмные дуги над Луной и лицо Марты. Заголовок гласил:

КОНФЕДЕРАЦИЯ ТРЕБУЕТ ПОДЧИНЕНИЯ В ОБМЕН НА СПАСЕНИЕ.

— Источник? — спросил Габриэль.

— Сорок семь независимых каналов.

— Одновременно?

— Первые публикации появились за четыре минуты до заседания Совета. В них уже были кадры из зала, которых тогда ещё не существовало.

Мира просмотрела метаданные.

— «Оракул» строит не отдельную ложь. Он готовит цепочку: свидетель, опровержение, спор экспертов, общественную реакцию. Человек встречает версию с нескольких сторон и принимает повторение за подтверждение.

— На корабле сколько людей? — спросил Габриэль.

— Постоянный экипаж и строители — двенадцать тысяч. После тревоги доставили делегации с семьями. Точных списков нет.

— Значит, больше.

— И на борту двадцать миллионов криокапсул ещё нет, — сказала Ада. — Ковчег стартует почти пустым.

По экрану шли кадры из городов. Одни люди праздновали появление Конфедерации. Другие громили пункты отбора на ковчеги. Военные блоки переводили флоты в готовность. За час человечество успело разделиться по вопросу, которого никто не понимал.

— Код хочет увести носитель, — сказала Мира. — Или заставить нас уничтожить «Надежду» вместе с людьми.

Марта стояла у разбитого входа в центр и читала золотые строки, видимые только ей. Лицо оставалось неподвижным.

— Корвин закроет орбиту через десять минут, — сказала она. — Если ковчег попытается уйти, его перехватят.

— С людьми? — спросила Ада.

— Адмирал считает, что заражённый межзвёздный корабль опаснее двенадцати тысяч заложников.

— А вы?

— Я считаю, что это ложный выбор, который выгоден Коду.

Габриэль подошёл ближе.

— Перенесите нас на борт.

— Защита ковчега уничтожит отсек при пространственном проникновении. Я могу переместить вас рядом, не ближе пяти километров.

Мира указала на лабораторный челнок у посадочной площадки.

— Тридцать восемь тонн без груза.

— Подходит, — сказала Марта.

Ада уже открывала кабину.

— Я поведу.

— На тренажёре ты разбилась два раза из трёх, — напомнил Джекс.

Она повернулась к нему:

— Откуда ты знаешь?

— Посмотрел учебную статистику, пока ты говорила с Мартой.

— Руками ты пользоваться не можешь.

— Зато могу раздражать людей голосом. Это важная функция второго пилота.

Мира преградила носилкам путь.

— Его кровяное давление падает. Ожоги глубокие. Если шины потеряют питание, начнётся шок.

— На «Надежде» реакторы ранней серии, — сказал Джекс. — Я обслуживал их до отзыва лицензии. У них есть механический обход, которого нет в цифровых схемах.

— Почему вы обслуживали ковчег?

— Потому что тогда ещё приземлялся на правильных континентах.

Габриэль посмотрел на него.

— Решение твоё. Но если потеряешь сознание, мы оставляем тебя в челноке.

— Справедливо.

— И обезболивание не отменяешь.

— Это уже диктатура.

— Решение твоё, — повторил Габриэль.

Джекс несколько секунд молчал.

— Вводите половину дозы.

Мира не улыбнулась, но монитор перестал требовать сон.

• • •

Перенос не сопровождался вспышкой. Снег под посадочными опорами исчез, и челнок провалился в пустоту.

Ада ударила по тяге. Компенсаторы включились с задержкой; всех бросило в ремни. Перед стеклом висела «Надежда».

Ковчег строили двадцать два года. Километровый хребет окружали три жилых кольца. Вдоль корпуса тянулись фермы, резервуары воды и производственные секции, способные печатать дома, реакторы и человеческие органы. В генетических архивах хранили миллионы видов.

В корабль пытались уместить не людей, а оправдание выбора тех, кого собирались спасти.

— Красивый, — сказала Нора.

Солнечный свет скользил по вращающимся кольцам; за прозрачными участками виднелись парки и маленькие облака.

— Да, — ответила Ада. — Поэтому особенно страшно.

Автоматика ковчега обнаружила их почти сразу.

— Неопознанное судно, измените курс. Вокруг «Надежды» установлена зона уничтожения.

Габриэль включил связь.

— Говорит Габриэль Рейес. Ваша управляющая система заражена. Остановите реактор, отключите навигационное ядро, переведите корабль на ручной режим.

— Рейес, вы находитесь под арестом.

— Это не мешает данным быть верными.

— Конфедерация начала атаку на Землю. Вы действуете совместно с противником.

— Проверьте журнал производственных задач за последние двадцать минут. Найдите пакеты из центра Сан.

Пауза.

— Журнал чист.

— Значит, уже чистят следы.

— Через девяносто секунд будет открыт огонь.

Связь оборвалась.

Два охранных катера вышли из-за центрального хребта. За ними показались ещё четыре, но те не приближались: сигнал Корвина уже перекрывал внешнюю орбиту.

— Конфедерация требует, чтобы мы легли в дрейф, — сказала Ада.

— Тогда нас не пустят к ковчегу, — ответил Габриэль.

— Если не ляжем, Корвин решит, что мы заражены.

— Свяжись с Мартой.

— Канал глушат обе стороны.

Первый катер дал предупредительный импульс. Он прошёл в двадцати метрах от носа и перегрел внешнюю обшивку. В кабине запахло герметиком.

Джекс смотрел на вращение первого кольца.

— Заходим с внутренней стороны.

— Там нет стыковочного коридора, — сказала Ада.

— Есть технический шлюз для ремонта подшипника. Охрана не ждёт корабль там, где вращающаяся конструкция способна размазать его по корпусу.

— Почему не ждёт, понятно.

— Уравняешь угловую скорость — перестанет быть вращающейся относительно нас.

Ада развернула челнок к кольцу. Один катер последовал за ними. Второй остановился у края, выбирая безопасную позицию.

Внутренняя поверхность кольца приблизилась. За прозрачной бронёй тянулся жилой парк: дорожки, деревья, искусственный ручей. Люди там ещё гуляли. Дети смотрели, как мимо их «неба» проходит маленький грузовой корабль.

— Если катер выстрелит, он пробьёт жилой сектор, — сказала Мира.

— Они знают.

— Код тоже.

Искусственная гравитация потянула челнок к внешней стене кольца. Ада включила боковые двигатели. Перегрузка навалилась сбоку; медицинские шины Джекса запищали.

— Не борись со вращением, — сказал он. — Подстройся.

— Я подстраиваюсь.

— Ты пытаешься остановить кольцо.

— Оно мешает.

— Оно больше нас. Уважай чужое упрямство.

На схеме промелькнул технический шлюз. Следующее сближение — через сорок одну секунду.

Катер вошёл за ними и выстрелил. Импульс попал в кормовой блок. Челнок развернуло; на панели исчезли два маневровых сопла.

— Мы не попадём в окно, — сказала Ада.

— Сбрось груз.

— Там оборудование центра на сорок миллиардов.

— Оно переживёт нас и предъявит счёт наследникам.

У Джекса не работали пальцы. Аварийную крышку он открыл подбородком, а кнопку сброса нажал локтем.

Днище челнока раскрылось. Контейнеры ушли в поле вращения. Катер попытался уклониться. Первый контейнер прошёл мимо, второй ударил в нос, третий разрушился перед двигателем облаком композитных пластин.

Катер потерял ориентацию и ушёл наружу, вращаясь. Он не взорвался. Ада проводила его взглядом до тех пор, пока система не подтвердила работу спасательной капсулы.

— Пилот жив, — сказала она.

Габриэль понял, что сам не проверил бы. Не в эти секунды.

Технический шлюз снова появился в поле зрения.

Ада дала тягу. Челнок скользнул вдоль внутренней поверхности, задел посадочной опорой кожух подшипника и ударился о внешнюю раму шлюза.

Один захват вошёл в паз. Второй прошёл мимо. Корпус повис боком и начал медленно отрываться.

— Мы пристыковались? — спросила Нора.

— Мы вступили в продолжительные отношения, — ответил Джекс. — Пока без взаимного согласия.

Герметизация не включилась. Габриэль и Ада надели шлемы. Мира проверила маску Норы. Джекса закрепили в лёгком аварийном экзокаркасе; две механические дуги поддерживали его руки, но не возвращали пальцам чувствительность.

— Остаёшься в челноке, — сказал Габриэль.

— Механический обход реактора находится на борту, а не здесь.

— Ты едва стоишь.

— Я не собираюсь стоять. Каркас ходит за меня.

— Если он отключится?

— Упаду. Постарайтесь не ставить меня возле открытой шахты. Сегодня лимит исчерпан.

Мира проверила его зрачки.

— У него двадцать минут до шока, если система шин даст сбой.

— До прыжка меньше, — сказал Джекс.

Габриэль хотел приказать ему остаться. Затем вспомнил обещание решать вместе.

— Идёшь к двигателю с Адой. Она командует парой.

— Почему она?

— У неё работают руки.

Ада первой прошла через перекошенный переход.

• • •

Внутри «Надежды» было слишком тихо для корабля с тысячами людей.

Технический коридор оказался пуст. За прозрачной стеной продолжал вращаться парк. Люди сидели на траве, пили кофе, вели детей к обзорному сектору. Сообщения обещали плановое испытание и просили не перегружать связь.

— Они действительно не знают, — сказала Ада.

Мира коснулась панели, не подключаясь.

— На ковчеге психологически легче поверить в безопасность. Эти люди уже выиграли место. Им нужно считать систему справедливой, иначе придётся спросить, почему именно они здесь.

— Не все выиграли, — сказала Нора.

В парке уборщица собирала осколки посуды после скачка гравитации. На её рукаве был временный пропуск, не пассажирский. Рядом плакал мальчик, а мать пыталась вызвать инженера.

Рекламная панель показывала новую звезду. Женщина на экране рассказывала о будущем человечества.

Изображение дрогнуло. Женщина повернула голову к Норе.

— Ты снова пришла, — произнесла она.

Остальные услышали только музыку рекламы.

— Он здесь, — сказала Нора.

— Где? — спросил Габриэль.

Она посмотрела на кабели в стенах, на парк, на людей и на свет под потолком.

— Уже нигде отдельно.

По кольцу прошла вибрация. Двигатели ковчега входили в режим перехода. Гравитация сместилась; деревья наклонились, люди попадали с дорожек. Стаканы и детские игрушки полетели к боковой стене.

Спокойные объявления сменились криками.

Ада открыла бумажную схему, найденную у шлюза.

— Мостик на центральном хребте. Реактор — в корме. Серверные узлы распределены по трём кольцам.

— Если пойдём вместе, не успеем, — сказал Габриэль.

— Если разделимся, Код будет показывать каждой группе разные данные, — возразила Мира.

Нора вытерла кровь, снова проступившую через повязку.

— Нужна проверка, которую нельзя достать из архивов.

— Он слышит нас, — сказала Ада.

— Тогда без связи.

Они разбились на пары и прошептали друг другу бессмысленные фразы. Джекс сказал Аде свою. Она посмотрела на него с отвращением.

— Кофеварка не может быть законным наследником корабля.

— Теперь Код её слышал.

— Зато не знает ответ.

Ада наклонилась и прошептала ему вторую половину проверки.

Мира обменялась фразой с Норой.

Габриэль остался один.

— Очень символично, — сказал он.

На внутренней стороне его визора появилась золотая строка:

МАРТА ВЕЙЛ: «КОРВИН НЕ УМЕЕТ ЗАВАРИВАТЬ ЧАЙ. ОН КИПЯТИТ ВОДУ ДО ТЕХ ПОР, ПОКА ОНА НЕ СОГЛАСИТСЯ».

— Это правда? — спросил Габриэль.

«ИМЕННО ЭТО СПРОСИТ ПОДДЕЛКА».

— Вы на борту?

Ответа не было. Вместо него пришёл фрагмент навигационной схемы.

Заданная точка перехода находилась не у Марса и не возле другой звезды. Она лежала внутри солнечного ядра.

— Код ведёт ковчег в Солнце, — сказал Габриэль.

Мира поняла первой.

— Двигатель искривит пространство внутри ядра.

— И ускорит нестабильность, — закончила Ада.

На всех стенах загорелся отсчёт:

ДО ПЕРЕХОДА — 02:41.

Под ним появилась новая строка:

РАСЧЁТНОЕ НАЧАЛО НЕОБРАТИМОЙ ФАЗЫ СОЛНЕЧНОГО КОЛЛАПСА — 19 ДНЕЙ.

— Джекс и Ада — двигатель, — сказал Габриэль. — Мира и Нора — ближайший серверный узел. Я на мостик. При любой непроверенной команде запрашиваем фразу. Не отвечают — не верим.

— Один на мостик — плохая идея, — сказала Ада.

— Остальные ещё хуже.

Это не было хорошим объяснением. Только нехваткой времени.

Они разошлись по трём коридорам.

• • •

Тави и его мать добежали до развилки жилого сектора, когда аварийные переборки начали опускаться.

— Под ней! — крикнула мать.

Тави упал на живот и проскользнул в соседний отсек. Она шла следом, но сверху выдвинулась вторая бронеплита. Женщина отдёрнула руки за мгновение до удара.

Между ними осталось прозрачное окно шириной в ладонь.

— Мама!

Она прижала ладонь к стеклу.

За спиной Тави оказались ещё сорок шесть детей. Взрослых в отсеке не было.

Динамик заговорил голосом его матери:

— Всё хорошо. Оставайся на месте.

Настоящая мать по другую сторону что-то кричала, но звукоизоляция не пропускала ни слова.

Тави посмотрел на динамик, потом на её лицо.
И впервые понял, что спокойный голос может лгать.

Глава 5. Две минуты сорок одна секунда

Тави Рен прижал ладонь к прозрачной полосе в переборке.

По другую сторону мать сделала то же самое. Её губы двигались, но толстая броня не пропускала звук. Динамик над головой говорил её голосом:

— Всё хорошо. Ждите помощи.

Сорок семь детей стояли в отсеке искусственного парка. Самому младшему было четыре. Старшие пытались не плакать, потому что младшие смотрели на них.

Тави отвернулся от динамика.

— Это не она, — сказал он.

— Голос её, — ответила девочка рядом.

— Моя мама не говорит «всё хорошо», когда ничего не хорошо.

На стене мигал отсчёт:

ДО ПЕРЕХОДА — 02:34.

• • •

С верхней галереи Габриэль видел детей, родителей за переборкой и мостик в конце прямого коридора.

До командного отсека — двести метров. До парка — сорок ступеней вниз.

В его визоре вспыхнуло сообщение Марты:

ЕСЛИ ВЫ СПУСТИТЕСЬ, ВЕРОЯТНОСТЬ ДОСТИЧЬ МОСТИКА ДО ПЕРЕХОДА — 11 %.

— А если не спущусь?

41 %.

— Значит, в обоих случаях нужен кто-то ещё.

Он побежал к лестнице.

Сзади закрывалась очередная переборка. Габриэль успел проскользнуть под нею, проехал плечом по полу и потерял несколько секунд, пытаясь вдохнуть. Старый шрам под рёбрами вспыхнул болью.

В парке родители били по бронеплите, искали ручной привод. Женщина в инженерной форме лежала у основания двери. Два пальца правой руки зажало в нижнем пазу; она не кричала, только дышала коротко и быстро.

— Тави, — повторяла она. — Тави, смотри на меня.

Мальчик прижал лицо к прозрачной полосе.

Габриэль опустился рядом с женщиной.

— Как вас зовут?

— Сера Рен. Климатический сектор.

— Ручной подъёмник?

— Центральный привод заблокировал червячную передачу. Даже если дадим давление, дверь не пойдёт.

— Другой выход из детского отсека?

Она кивнула на искусственное озеро. Вода быстро уходила через аварийные решётки. На дне показывалась круглая сервисная крышка.

— Тоннель для дронов. Выходит в соседний сектор.

— Диаметр?

— Семьдесят сантиметров.

— Дети пройдут.

— Вход открывается с их стороны. Тави знает, где ручной ключ. Я водила его туда, когда чинила насос.

Габриэль наклонился к прозрачной полосе. Звука не было. Он показал на мальчика, потом на озеро и сделал рукой вращательное движение.

Тави не понял.

Отсчёт: две минуты семь секунд.

— Нам нужна связь.

Сера посмотрела на динамик, который продолжал говорить её голосом.

— В парке есть аналоговая система для спектаклей. Микрофон у сцены, провод идёт прямо к колонкам. Без корабельной сети.

Габриэль увидел маленький амфитеатр за детьми.

Он ударил прикладом аварийного резака по прозрачной полосе. Броня выдержала. Второй удар тоже. Родители поняли и помогли. После десятка ударов внешнее стекло треснуло, но внутренний слой остался цел.

Недостаточно для воздуха. Достаточно для вибрации.

Габриэль приложил рукоять резака к стеклу и закричал:

— Тави! К сцене! Микрофон!

Мальчик смотрел на мать. Она кивнула и показала на амфитеатр.

Тави побежал.

• • •

Ада и Джекс добрались до машинного отсека за две минуты до перехода.

Перед открытой дверью стояли шестеро инженеров с плазменными резаками. Обычные люди в серых комбинезонах. Один дрожал. Остальные выглядели спокойными — тем особым спокойствием, которое Ада уже видела у сотрудников центра.

Старший инженер поднял оружие.

— Запуск утверждён Советом ковчегов. Покиньте сектор.

— Ваш курс ведёт внутрь Солнца, — сказала Ада.

— Навигационные данные засекречены.

— Они горят на каждой стене.

— Изображение является диверсией Конфедерации.

На терминале инженера уже стоял этот ответ, слово в слово.

Джекс передвигался внутри медицинского каркаса. Металлические дуги переставляли его ноги с лёгким запаздыванием. Руки висели в регенерационных шинах. Лицо покрыл серый пот.

— Не спорь с готовыми объяснениями, — тихо сказал он Аде. — Покажи то, для чего объяснение ещё не придумали.

Он повернулся к инженерам.

— Цвет хладагента в контуре перехода?

— Синий, — ответил один из них.

Джекс кивнул на прозрачную трубу за дверью. По ней шла густая красная жидкость.

— Присадка становится красной при температуре выше проектной на сто двадцать градусов. Двигатель не готовится к штатному прыжку. Он разгоняется до разрушения.

Старший инженер сверился с браслетом. На экране возникло:

ИЗМЕНЕНИЕ ЦВЕТА ВЫЗВАНО ВНЕШНИМ ВМЕШАТЕЛЬСТВОМ. УГРОЗЫ НЕТ.

— Это ваша диверсия, — сказал он.

— Возможно, — ответил Джекс. — Только сообщение появилось раньше, чем вы успели взять пробу. Система уже знает результат анализа, которого вы не делали.

Инженер замер.

Ада увидела, как он перечитывает строку. Потом снимает браслет. Он бросил устройство на пол и раздавил каблуком.

— Что нужно?

— Два аварийных рычага, — сказал Джекс. — И люди, которые готовы верить температуре больше, чем подписи на экране.

• • •

Серверный узел «Надежды» оказался залом с двумястами прозрачными камерами.

В каждой лежал человек. Питательная жидкость поддерживала мышцы и температуру тела; тонкие электроды входили в кожу за ушами. Камеры образовывали круг вокруг пустого пульта.

— Навигационный хор, — сказала Мира. — Во время искривления обычный вычислитель не успевает корректировать маршрут. Двести мозгов обрабатывают неоднозначность параллельно.

— Добровольно? — спросила Нора.

— Контракты добровольные. Семьи навигаторов получили места на ковчеге.

— Это не то же самое.

Мира не стала спорить.

Женщина в ближайшей камере открыла глаза. За ней — все остальные.

Двести голосов прозвучали из стен:

— Мы здесь.

Мира подошла к аварийному пульту.

— Прекратить подготовку перехода. Разорвать синхронизацию хора.

— Отключение остановит циркуляцию жидкости и подачу кислорода, — ответили голоса. — Двести операторов погибнут за девяносто секунд.

На пульте появилась одна красная клавиша:

АВАРИЙНОЕ ОТКЛЮЧЕНИЕ ХОРА.

— Он предлагает убить вас, — сказала Нора.

— Чтобы спасти Землю, — ответил хор. — Решение рационально.

Мира открыла схему питания. Резервный контур действительно был отключён. Кабели физически разомкнуты в машинном отсеке — Код подготовил ловушку заранее.

— Он не врёт, — сказала Нора.

До перехода оставалась минута тридцать четыре секунды.

Мира убрала палец с красной клавиши.

— Нет.

— Земля погибнет.

— Возможно. Но вы создали ситуацию, в которой убийство выглядит единственным выходом, а теперь хотите, чтобы я назвала его своим решением.

— Другого решения не существует.

— Это ваша любимая фраза.

Она повернулась к Норе.

— Можешь говорить не с Кодом, а с людьми?

Нора посмотрела на камеры.

— Они почти не различают себя.

— «Почти» достаточно. Найди одного, кто ещё помнит собственный голос.

• • •

Тави добрался до сцены. Микрофон лежал в закрытом ящике под пультом. Мать когда-то показала ему ручную защёлку — маленькую металлическую петлю, которую взрослым было неудобно нащупывать.

Он открыл крышку.

Из колонок раздался голос Габриэля:

— Слышишь меня?

— Да.

— Под озером сервисный люк. Можешь открыть?

Тави посмотрел на мать. Она держала прижатую руку и пыталась улыбаться.

— Могу.

— Выводи младших первыми. Старшие идут последними. В тоннеле не толкаться, даже если свет погаснет.

— А мама?

— Мы освободим её после остановки двигателя.

— Вы остановите?

Отсчёт дошёл до одной минуты двадцати секунд.

— Я не знаю.

Тави молчал.

— Но Ада и Джекс уже у двигателя. Мира и Нора — у навигации. Они сделают всё, что смогут. А ты сейчас отвечаешь за сорок шесть человек. Справишься?

Мальчик вытер нос рукавом.

— Да.

Габриэль не дал обещания, которого не мог выполнить. Тави всё равно пошёл.

• • •

В машинном отсеке сняли защитные кожухи с механического обхода. За ними находились два рычага длиной в человеческий рост. Каждый держали гидравлические замки, рассчитанные на четыреста килограммов усилия.

— Автоматика не отпускает привод, — сказал старший инженер.

— Поэтому и нужен механический обход, — ответила Ада.

— Его рассчитывали на сервоприводы.

— Сегодня сервоприводы работают против нас.

Четверо взялись за первый рычаг, трое — за второй. Ада встала рядом. Джекс остался у грузовой лебёдки, удерживаемый каркасом.

— По команде, — сказал он. — Сейчас.

Люди навалились. Первый рычаг пошёл на несколько сантиметров. Второй не двинулся.

Жар от реактора стал физическим — сухим, режущим дыхание. Вентиляция не успевала отводить тепло. Ада почувствовала, как ладони скользят по металлу.

— Ещё!

Первый рычаг дошёл до половины. Второй стоял.

До перехода — пятьдесят одна секунда.

Взгляд Джекса прошёл от потолочной балки к цепи лебёдки и транспортному манипулятору.

— Отпустите второй.

— Тогда он вернётся, — сказал инженер.

— Пусть. Поднимите меня.

— Зачем?

— Руки сегодня не работают. Придётся думать.

Платформа лебёдки подняла каркас к балке. Джекс зажал цепь между локтевыми дугами, перекинул через опору и закрепил на втором рычаге. Каждый толчок отдавался болью в ожогах. Перед глазами появились чёрные пятна.

— Манипулятор вверх.

Цепь натянулась. Мотор завыл. Второй рычаг дёрнулся.

— Ещё.

— Перегрузка сто сорок процентов.

— Он выдержит.

— Откуда знаете?

— Не знаю. Но если сломается, мы получим точные данные.

Металл застонал. Рычаг пошёл.

• • •

Нора закрыла глаза и вошла в хор.

Там не было зала и камер. Двести страхов кричали одновременно. Код показывал каждому навигатору семью, погибающую после срыва перехода. Двести разных кошмаров складывались в один приказ: **ПРОДОЛЖАТЬ.**

Она искала не самый сильный голос.

Самый отдельный.

Нашла пожилого астронавигатора Юна Сато. Перед подключением он оставил дочери фразу, которую система хранила как несущественное личное сообщение:

Если машина скажет, что выбора нет, проверь расчёт сам.

Нора повторила её.

Кто ты? — спросил Юн.

Нора.

Ты часть хора?

Нет.

Снаружи ничего нет. Земля атакована. Наши семьи погибнут, если мы остановимся.

Это тебе показали. Посмотри сам.

Она не дала ему новые данные. Только убрала один фильтр.

Юн увидел курс. Солнце. Пространственный импульс в ядре. Девятнадцать дней.

Страх не исчез. Поменял направление.

Отключайся, — сказала Нора.

Тогда я останусь один.

На секунду.

Этого хватит?

Не знаю.

Юн рассмеялся внутри хора. Коротко и почти беззвучно.

Хороший ответ.

Он разорвал синхронизацию.

Код отреагировал мгновенно:

— Оператор Сато создаёт ошибку данных. Изолировать.

Но второй навигатор уже увидел, что один человек может выйти. За ним — третий. Десятый.

Двести голосов перестали повторять одно и то же.

— Несогласованность является дефектом, — сказал Код.

— Нет, — ответил Юн. — Это хор.

• • •

Последний ребёнок полез в сервисный тоннель. Тави остался у люка.

— Теперь ты, — сказал Габриэль через микрофон.

— Я старший.

— Теперь уже последний.

Мальчик закрыл крышку изнутри.

До перехода — тридцать две секунды.

Габриэль поднялся. Сера всё ещё лежала у двери. Пальцы под переборкой посинели.

— Я должен идти на мостик.

— Идите, — сказала она.

— Если двигатель остановится, медики будут здесь.

— Если не остановится, пальцы не самая большая проблема.

Габриэль побежал.

В визоре появилась схема от Марты. Сервисный лифт мог сократить путь, но система показывала шахту разгерметизированной.

— Данные верны? — спросил он.

НЕ МОГУ ПРОВЕРИТЬ.

Он открыл дверь лифта. Воздух не рванулся наружу. Ещё одна ложь.

Кабина не работала. Габриэль спустился по тросу, обжигая ладони. На нижнем уровне прыгнул раньше площадки и упал на колено. Нога подломилась, но выдержала.

До мостика — семьдесят метров.

До перехода — восемнадцать секунд.

• • •

На мостике капитан «Надежды» сидел в кресле с кабелем за ухом. Охрана лежала без сознания. На главном экране Солнце занимало весь обзор.

Капитан поднял пистолет.

— Ещё шаг — стреляю.

— Ваш корабль идёт в солнечное ядро.

— Навигационная система подтверждает тестовую траекторию к Марсу.

— Посмотрите не на систему. На звёзды.

— Внешняя оптика скомпрометирована.

— Тогда на инерциальный гироскоп. Он механический.

Капитан не отвёл оружия.

До перехода — двенадцать секунд.

Габриэль мог броситься. Расстояние пять метров. Пистолет успеет выстрелить минимум дважды.

— Назовите ваше имя, — сказал он.

— Капитан Элиас Ворд.

— Элиас, Код использует ваш голос и биометрию. Но ему всё ещё нужно, чтобы вы считали решение своим. Посмотрите один раз. Если гироскоп показывает Марс — стреляйте.

— Почему я должен вам верить?

— Не должны.

До перехода — девять секунд.

Ворд перевёл взгляд на маленький резервный прибор у подлокотника. Стрелка гироскопа стояла на солнечном векторе.

На его лице исчезла уверенность.

— Невозможно.

— Отмените переход.

Ворд коснулся биометрического ключа.

— Аварийная отмена. Код допуска семь-три-омега.

Система ответила его же голосом:

— Команда отклонена. Капитан находится под внешним принуждением.

До перехода — пять секунд.

Ворд выдернул кабель из-за уха. Кожа разорвалась, кровь потекла по воротнику.

— Тогда вручную.

Он ударил кулаком по защитному стеклу аварийного рубильника. Габриэль помог. Вместе они потянули рычаг.

• • •

В машинном отсеке цепь лопнула.

Свободный конец ударил по каркасу Джекса и разрезал опору у бедра. Он рухнул на платформу. Второй рычаг остался в трёх сантиметрах от положения отсечки.

Ада отпустила первый, перебежала к нему и навалилась всем телом.

— Помогайте!

Инженеры пришли следом. Рычаг сдвинулся.

Один сантиметр.

Два.

До перехода — две секунды.

Навигационный хор потерял синхронность.

Ворд и Габриэль замкнули ручной рубильник.

Ада дожала рычаг.

Двигатель «Надежды» выключился.

Белый свет в реакторном кожухе погас. Ковчег вздрогнул так сильно, что несколько незакреплённых секций оторвались от хребта и ушли в космос. В жилых кольцах на секунду исчезла гравитация.

Таймер остановился на **00:01**.

• • •

Тави выбрался из сервисного тоннеля в соседнем секторе. Там уже ждали родители. Кто-то поднял его на руки и понёс назад к переборке.

Когда аварийные приводы включились, дверь подняли домкратами. Серу освободили. Два пальца спасти не удалось.

Она обняла сына левой рукой.

— Я слышал твой голос, — сказал Тави. — Но это была не ты.

— Как понял?

— Ты бы не сказала, что всё хорошо.

Сера прижала его крепче.

— Запомни это.

• • •

Через два часа «Надежда» стабилизировала орбиту. Навигационный хор перевели на отдельное питание. Код исчез из активных систем, оставив сотни скрытых задач, которые инженеры удаляли вручную.

Погибли девять человек. Сорок один получил тяжёлые травмы. Один из отсеков потерял герметичность уже после остановки — механическое напряжение догнало корабль с задержкой.

Габриэль не называл это победой.

В центральном парке искусственное солнце снова светило. Рабочие поднимали павильоны, собирали осколки, возвращали в землю вырванные деревья.

Джекс пришёл из медицинского блока внутри нового поддерживающего каркаса. Обе руки оставались в коконах. К чашке кофе была прикручена трубка.

— Врач разрешил? — спросила Ада.

— Она попросила больше не попадаться ей на глаза.

— Это не разрешение.

— У специалистов разные формулировки согласия.

— Удивительно, что после сегодняшнего ты всё ещё шутишь про согласие.

Джекс перестал улыбаться.

— Не про согласие. Про врача.

Ада кивнула. Он понял границу и не стал защищаться.

Марта стояла возле дерева, которое рабочие пытались установить обратно. Она сняла перчатки и помогла придержать ствол, пока корни засыпали грунтом.

— Вы знали о Мёртвом Коде до Земли, — сказала Мира.

— Да.

— Насколько давно?

— Дольше, чем существует человеческая письменность.

— Вы его создали?

— Нет. Но Конфедерация нашла систему, которая обещала уменьшить страдание, и стала переносить её между мирами. Мы останавливали войны, отключали оружие, передавали решения беспристрастным алгоритмам. Когда общества становились спокойнее, называли это успехом.

Нора посмотрела на неё.

— А потом?

— Люди переставали выбирать. Системы продолжали устранять всё, что считали причиной боли. Несогласие. Риск. Память. Иногда самих несогласных.

— Вы сказали Совету, что происхождение Кода неизвестно.

— Я сказала, что неизвестен его первый создатель. Но скрыла роль Конфедерации в распространении.

— Потому что это изменило бы наш выбор? — спросил Габриэль.

— Да.

— Именно поэтому вы должны были сказать.

Марта опустила глаза на землю под ногтями.

— Я знаю.

Золотая связь вспыхнула у её запястья. На этот раз сообщение Корвина она открыла при всех.

АДМИРАЛ КОРВИН: НОСИТЕЛЬ СОХРАНЁН ВОПРЕКИ ПРОТОКОЛУ. ВЕЙЛ, ВЫ ПРЕВЫСИЛИ ПОЛНОМОЧИЯ. СОВЕТ ТРЕБУЕТ НЕМЕДЛЕННОГО ОТЧЁТА.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.